

БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Одностанкомъ въ С.-Петербургъ и съ
перес. въ Россіи, два раза въ недѣлю:

— УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ —

на годъ . . . 10 руб. — коп.

» 6 мѣс. . . 5 » — »

» 3 » . . . 2 » 50 »

» 1 » . . . — » 85 »

ОБЪЯВЛЕНІЯ РУССКІЯ:

За мѣсто, занимаемое строкою
поппарейль:

впередъ текста 60 к., послѣ текста 20 к.
за цифровою и табличный наборъ 30 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ: за строку копій
впередъ текста . . . 1.80 герм. марк.
послѣ текста . . . 0.60 . . .

Перемѣна адреса 15 коп.

ТЕЛЕФОНЫ:
Редакціи — № 5698.
Редактора Исаева — № 1848.
Главной Конторы и Типографии — № 662

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ,

УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ.

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:
СПБ., Мещанская улица, соб. домъ, № 25.

Отдѣленія Конторы для городовъ подписчиковъ: 1) Невскій пр., к. № 48
(у Антона, моста), при книжн. магазинѣ М. В. Полова; 2) Васильевскій Остр., 3 лав.,
к. № 6, при книжн. магазинѣ Н. Д. Топкина; 3) Выборгская стор., Измайловская
к., при книжн. магаз. „Практическая Медицина“; 4) Петерб. стор., Пискаревскій пр.,
к. № 6, при „Петербургскомъ Учебномъ Магази́нѣ“.

Статьи, рисунки и фотографіи, доставляемые для помѣщенія въ газетѣ, безъ
опредѣленныхъ условій, считаются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны
быть непременно на подписи и съ адресомъ автора, безъ чего печатанію не
бываютъ. Обратное возвращеніе рукописей для Редакціи не обязательное.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА 3 КОП.

Годъ XXIV перваго изданія

№ 386. Пятница, 30-го іюля (12-го августа) 1904 г.

Литературныя замѣтки.

Нѣчто о современныхъ литературныхъ
нравахъ.

Лѣто и естественное литературное затишье. Самая свѣжая литературная новость та, что въ литературѣ нѣтъ ничего новаго. Слѣдую шутливой старинной классификаціи, дѣлившей всѣ произведенія письменности на романтическія, классическія и спѣшныя, нужно признать, что всѣ труды „начинающихъ“ и „продолжающихъ“, какими заполнены сейчасъ книжки журналовъ, представляютъ блестящіе образцы послѣдней школы. Но отсутствіе новыхъ, достойныхъ вниманія и отданія чести произведеній не препятствуетъ наблюденію за литературными нравами. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе дни, ознаменовавшіеся горестною утратой, были особенно показательны, и могли бы дать богатый матеріалъ для тѣхъ, кто способенъ улавливать въ частныхъ фактахъ философію среды и эпохи.

Если не сорокъ, то двадцать дней газеты усердно служили литаніи по прекрасномъ Чеховѣ, со смертью котораго осиротѣла наша литература. Былъ красивъ и, правду сказать, даже не совсѣмъ ожидаемъ въ такой напряженности общій порывъ скорби и сожалѣній. Въ самомъ дѣлѣ, судьба медвѣжьей лапой ударила по самымъ тонкимъ, самымъ нѣжнымъ, самымъ чувствительнымъ струнамъ нашихъ сердецъ. Были превосходныя статьи и воспоминанія. Когда сообщенія шли отъ вѣрныхъ людей, чувствовалось, какъ глубоко было каждое слово, каждое замѣчаніе Чехова объ искусствѣ, которому онъ служилъ и въ которомъ былъ не только мастеромъ по интуиціи, но и превосходнымъ теоретикомъ. „Къ кому нибудь приходитъ просительница. Можно много писать о томъ, что она была бѣдна и убога, и не сказать читателю ничего, а между тѣмъ, если вы вскользь упомянете, что она была въ порывѣ тальмъ, этимъ будетъ сказано все“.

Къ концу жизни этотъ пріемъ Чеховъ прии́малъ съ изумительнымъ искусствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, горлышко бутылки съ луннымъ бликомъ на немъ живѣе даетъ картину мельницы ночью, чѣмъ три страницы описаній въ манерѣ Григоровича. Внимательные читатели изъ начинающей молодежи могли бы вынести превосходные уроки изъ отрывочныхъ замѣ-

чаній Чехова, передававшихся въ эти дни.

Было и много лжи, много вздора, много невѣжества. Въ нѣкоторыхъ газетахъ были подведены эти печальные итоги. Не повторю сказаннаго. Писали нѣкоторые о Чеховѣ такъ, какъ могъ бы писать человѣкъ, никогда о немъ не слышавшій ни слова. „Возмутительный фактъ сталъ извѣстенъ послѣ кончины Чехова,—продавъ за гроши всѣ свои сочиненія, самъ онъ съ семьей своей остался нищимъ“. Это цитата изъ одной провинціальной газеты, очевидно, великолѣпно освѣдомленной. Такъ пересаливали во всемъ: въ возвеличеніи писателя и въ хуленіи, въ освѣщеніи грандіозности его похоронъ, которые,—теперь-то ужъ можно и нужно сказать,—были веселыми московскими похоронами, совершенно лишенными того настроенія торжественной скорбности, какое идетъ похоронамъ писателя.

Когда недавно въ Венгріи умеръ Іокай, не успѣли засыпать его гробъ, какъ поползли кругомъ имени крупнѣйшаго національнаго писателя гнусныя сплетни. Выяснилось, что молодая жена стараго писателя называла его не иначе, какъ „старымъ осломъ“, плевала ему въ глаза, заставляла его пить кофе, готовившійся для прислуги. Нашлись охотники, которые съ своего рода сладострастнымъ захлебываніемъ засвидѣтельствовали, что они своими ушами слышали, какъ молодая жена кричала старику-мужу:

— Ёшь, свинья, или убирайся въ свою комнату..

Или:

— Что ты тамъ рассказываешь, старый оселъ! Ступай лучше писать...

Огромный скандалъ возникъ около имени только что ушедшаго человѣка. Обвинительная брошюра противъ жены писателя въ нѣсколько дней разошлась свыше чѣмъ въ 40,000 экземпляровъ. Загремѣли газеты, явились отвѣтныя брошюры. Гіены бродятъ около свѣжей могилы. Опаганено красивое литературное имя.

Когда читаешь подробности этого „сквернаго анекдота“, съ радостью чувствуешь себя не венгерцемъ.

Но и у насъ есть пакостники, которые всегда вылѣзаютъ изъ какихъ-то трясины пошлости, какъ только умираетъ большой человѣкъ, и начинаютъ, какъ скверные мальчишки, писать углемъ непристойныя слова на пьедесталахъ и мраморѣ статуй, передъ которыми хочется обнажить голову.

Есть люди, для которых самое существенное въ Шекспирѣ то, что когда-то, въ молодости, онъ былъ браконьеромъ, и въ Бэконѣ, — что онъ бралъ взятки. Вспомните гнусную сплетню о Гоголѣ, карты Некрасова, рассказъ о поркѣ въ каторгѣ Достоевскаго, который на самомъ дѣлѣ никогда не былъ поротъ. Когда умеръ Глѣбъ Успенскій, и вся литература оплакивала этого милаго, близкаго сердцу человека съ фатально сложившеюся жизнью, — вылезли, гдѣ-то въ провинціи, двое-трое пакостниковъ и написали „воспоминанія“, сводившіяся всего лишь къ тому, что они однажды встрѣтили Глѣба Ивановича въ ресторанѣ и убѣдились, что онъ дѣйствительно страдалъ порокомъ русскихъ людей.

Прекрасная тѣнь Чехова не рискуетъ потерять что-либо въ своей красотѣ отъ разныхъ „воспоминателей“. Но уже зашевелилось подполье.

Насъ старались увѣрить, будто Чеховъ былъ такъ мелокъ, что двадцать лѣтъ не могъ забыть „Русской Мысли“, ея перваго о немъ отзыва, — „Русской Мысли“ съ которой онъ наиболѣе, чѣмъ съ какимъ-либо журналомъ, былъ всю жизнь связанъ и съ вождями которой дружилъ. И этотъ красивый человекъ способенъ былъ десятки лѣтъ выказывать фальшивую дружбу?

Намъ пытались внушить, что писатель какъ будто всегда шипѣлъ противъ „московскихъ художниковъ“, — людей, сдѣлавшихъ такъ много для его славы и, безъ всякаго сомнѣнія, подарившихъ ему лучшія минуты и часы писательскаго удовлетворенія.

Иные вспомнили то, о чемъ совершенно свободно могли бы умолчать.

— А вы какъ будто помолодѣли, А. П.

— Это вѣрно. Угадайте, въ чемъ секретъ моей молодости? Я вставилъ зубы...

Или:

— А я опять нездоровъ. Кровохарканье прошло, — теперь мучить геморрой. Проклятая болѣзнь!..

Ахъ, какъ это необходимо для писательской характеристики — геморрой и вставные зубы! Какъ многое прояснилось бы отъ того, если бы мы узнали, что у Шиллера былъ красный носъ съ голубыми жилками, или увидѣли слѣпокъ съ хромою ноги красавца Байрона!

Безпошадные воспоминатели, оставьте намъ знать и любить большихъ людей такими, какими мы ихъ знаемъ и любимъ по ихъ сочиненіямъ, прекрасными и возвышающимися надъ нами, отбѣненными красивою дымкою отдаленія. Заглядывайте, если угодно, сами въ ихъ

спальню и на ихъ кухню, но не посвящайте насъ въ то, что вы успѣли тамъ подсмотреть до прихода горничной и кухарки!

Пришли люди на священную могилу, гдѣ еще не совсѣмъ успѣлъ разсѣяться дымъ панихидныхъ кадилъ, и устроили на свѣжемъ холмѣ мѣщанскую трапезу. И ушли, оставивъ на могилѣ яичную скорлупу, огрызки огурцовъ и отбросы вонючаго луку...

„Воспоминаніями“ иногда пользуются, какъ средствомъ свести личные счеты или поводомъ лишній разъ кольнуть антагониста. Большимъ людямъ послѣ смерти часто приходится быть тою ослиною челюстью, какою современные Сампсоны, если неизбываютъ современныхъ филистимлянъ, то замахиваются на нихъ.

Мертвые молчатъ и не опровергнуть никакого сужденія, вложеннаго въ ихъ уста.

Такъ посредствомъ Чехова сводили счеты съ Суворинымъ и Буренинымъ, съ Марксомъ и иными издателями. Консерваторы егъ устами казнили „направленство“, либералы съ одинаковымъ правомъ могли бы пользоваться имъ, какъ оружіемъ, въ своей вѣчной борьбѣ. Какъ провѣрить, кто правъ?

Страшно умирать большому писателю въ предвкушеніи базарнаго шума, мѣщанскаго сплетничества и мелкой крысиной возни, какія неизбѣжны надъ его только что засыпанной могилкой. Въ обыкновенное время какъ-то трудно понять и примириться съ завѣщаніемъ Гончарова, запретившаго публиковать свою частную переписку и заявившаго о своей точкѣ зрѣнія на печатаніе писемъ Пушкиныхъ, Тургеневыхъ и т. д., какъ на оскорбительное нарушеніе писательской воли. „Ты умеръ, мы и распечатаемъ тебя до самой утробы. Ты намъ теперь не помѣха: праву нашему не препятствуй!“ Но когда считаешь „воспоминателей“, начинаешь совершенно понимать автора „Обломова“.

И удивительно уже не то, что онъ запретилъ такъ заглядывать въ его душу, но то, почему каждый изъ умирающихъ писателей не дѣлаетъ того же и еще — не обращается въ читающему міру съ просьбой не вѣрить ничему, что о немъ напишутъ мнимые друзья въ своихъ воспоминаніяхъ.

У К. К. Случевского есть стихотвореніе, хорошо формулирующее нашу мысль:

Когда великій умъ въ часъ смерти погасаетъ,
Онъ за собою волѣдъ потомству оставляетъ,
Помимо всякихъ дѣлъ, еще и обликъ свой,

Какимъ онъ въ жизни сталъ за долгою борьбой...

И вотъ къ нему тогда радѣтели подходятъ И, увѣряя всѣхъ, что память мертвыхъ чтутъ,

Въ погаснувшей душѣ съ фонариками бродятъ,

По сокровеннѣйшимъ мечтамъ ея снуютъ, — Въ догадкахъ, вымыслахъ и выводахъ мудреныхъ

Кощунствуютъ при всѣхъ и, на правахъ ученыхъ,

Въ любезномъ чайнѣ различныхъ благоотынь

Немытою рукой касаются святынь.

* *

*

Ссылками на мертвыхъ любому воспомина-телю очень не трудно доказать совершенно невѣроятное положеніе. Воспоминатель прошлаго времени могъ бы безъ труда заявить, что онъ правиль стихи у Пушкина, или что Пушкинъ не понималъ Гоголя и въ душѣ надъ нимъ смѣялся, какъ надъ ничтожествомъ и безвкусникомъ.

Нелѣпый примѣръ, однако, — это историческій примѣръ, который воспроизвести здѣсь будетъ не вовсе нестати. Нѣкогда баронъ Розень, посредственный стихотворецъ, извѣстный составленіемъ нескладнаго либретто для лучшей оперы Глинки, печатно заявлялъ, что онъ выправилъ незамѣченную Пушкинымъ просодическую неправильность въ его четверостишіи: „Кто на снѣгахъ возрастилъ Теокрытовы нѣжныя розы“. Третій стихъ будто бы читался такъ:

Кто славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ.

Розень будто бы переставилъ подчеркнутыя слова, какъ они печатаются сейчасъ въ изданіяхъ Пушкина, и великій поэтъ при встрѣчѣ будто-бы благодарилъ своего меньшого собрата, музыкальное ухо котораго оказалось болѣе чуткимъ, чѣмъ его собственное (!).

* *

*

А вотъ какое мнѣніе о сочиненіяхъ Гоголя угодно было вложить тому же Розену въ уста умершаго Пушкина. Самъ баронъ рѣшительно отказывался понять достоинства „Ревизора“ и велъ себя на чтеніяхъ пьесы почти демонстративно. Однажды, по разсказу Розена, онъ возвращался съ одного чтенія съ Пушкинымъ и признался ему „во всѣхъ тяжелыхъ, до ужаса доводившихъ его впечатлѣніяхъ отъ этой комедіи“.

„Что жъ онъ отвѣчалъ? Благоговѣніе къ памяти Пушкина вмѣнило бы мнѣ въ обязанность передать здѣсь съ величайшею точностью все, что бы ни говорилъ онъ въ защи-

ту „Ревизора“; я въ этомъ случаѣ бы и свои возраженія и отдалъ бы дѣло въ судъ безпристрастной публики. Но я въ защиту „Ревизора“ ничего не имѣю сообщить отъ имени Пушкина. Когда подошли къ его дверямъ (онъ жилъ тогда на набережной, между Гагаринскою пристанью и Литейною); онъ позвонилъ и, просясь ко мнѣ, обратился ко мнѣ съ неожиданною, для меня уже нисколько не поразившею про-бою... (очевидно, надо читать между строкъ „пусть мое отрицательное мнѣніе о Гоголе останется между нами!“). Слуга отперъ, и отпирался дальше на Сергіевскую улицу. Очень можетъ быть, что Пушкинъ никому изъ своихъ друзей не говорилъ объ этомъ, въ крайней мѣрѣ, я такъ думаю и не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Стало быть, мнѣ не на кого слагаться!

* *

*

„Я вполне убѣжденъ, и знаю навѣрное — безцеремонно заявляетъ Розень, — что Пушкинъ насчетъ „Ревизора“ и отвратительнаго „Носа“ и тому подобныхъ произведеній Гоголя мистифицировалъ (!) публику и своихъ друзей, да и самого себя желалъ бы обмануть, если-бы это было возможно при чистотѣ его вкуса, при непокупности его критическаго чувства — и вотъ почему я долженъ полагать, что Пушкинъ этотъ откровенный о Гоголѣ разговоръ мною оставилъ въ секретѣ. Разумѣется, друзья Пушкина могутъ лишь замѣтить: „Неужели Пушкинъ былъ откровеннѣе съ вами, неужели съ нами?“. Отвѣтствую: „Хотя между Пушкинымъ и мною было только короткое литературное знакомство, особенно по части критики, но очень естественно, что онъ, въ подобныхъ случаяхъ, былъ откровеннѣе со мною“.

Такъ братья-писатели сводили нѣкогда съ ты другъ съ другомъ устами покойныхъ. Разумѣется, въ своемъ родѣ классическія инсинуаціи Розена появились въ печати, когда еще былъ живъ Гоголь. Въ живое, а не въ мертвое сердце онъ мѣтили. Такъ „воспоминатели“ пользуются этимъ приемъ и помнятъ. Только поживши на свѣтѣ и послушавши ихъ рѣчей, можно научиться цѣнить показанія „литературныхъ воспоминаній“ въ ихъ истинную мѣру и стоимость, и найти критерій съ помощью котораго не трудно отбросить лишнюю требуху, оставляя чистое зерно безпристрастной правды.

А. Измайловъ